

В ЗЕРКАЛЕ ИСКУССТВА

ПУШКИН

однажды

и

ВСЕГДА

ТАК СЛУЧИЛОСЬ, что сразу по приезде в заповедник «Михайловское» я попала в цепкие объятия одной из враждующих партий. Былое благолепие пушкинских мест под угрозой: в преддверии 200-летия Пушкина в заповеднике затеяли реконструкцию.

С ее необходимостью никто не спорит. Усадьбы Тригорское, Михайловское, Петровское обветшали. Строили их наспех, электричества не предполагалось (экскурсоводы после 10 экскурсий в морозный день за ночь не могли отогреться), парки заросли, кое-где отсутствуют банальные сортиры.

Но как должна происходить реконструкция? Загадка в том, что для научной реконструкции в этих местах не было, нет и, видимо, уже не возникнет точных исторических данных. Последняя, видевшая Пушкина усадьба, сгорела в 1909 году. Потому руководствоваться можно только гипотезами.

Сегодняшнее руководство заповедника под предводительством нынешнего директора Георгия Василевича и его заместителя по вопросам реконструкции и развития Ольги Чужиковой настаивает на типологии — заповедник должен демонстрировать, как могли бы выглядеть усадьбы и парки во времена Пушкина.

Что имеется в виду? Определить это можно по Тригорскому: усадьба Осиповых-Вульф, новенькая, с иголочки, была открыта 6 июня этого года в день рождения Пушкина. Михайловское уже закрыто на реконструкцию, Петровское только затеяло дыхание в ожидании своего часа.

Инакомыслящих вдохновляет дух покойного директора «Михайловского» Семена Степановича Гейченко, отстроившего заповедник в конце 40-х и руководившего им без малого полвека. «Гейченководы» настаивают на том, что все в заповеднике должно оставаться таким же, как было при легендарном директоре. А значит, считают, что пушкинские усадьбы должны выглядеть так, чтобы радовать взор и вразумлять потомков, сохраняя дух поэта.

Этот посыл не требует расшифровки: его результаты своими глазами видели миллионы советских людей и пара тысяч иностранных граждан: во времена профсоюзного бума заповедник посещало до 700 тысяч человек в год, а заповедники мог считаться чуть ли не самым известным в стране музеем. Тогда у нас вообще было шутное производство. Если выставка, то ВДНХ, если музей, то «Михайловское».

За формальным различием гипотез скрывается гораздо более существенное противоречие. Речь о двух разных подходах к музейному делу. А если хотите, то к культуре как таковой. Им не выставишь оценки и не определишь,

Арина Родионовна здесь больше не живет

В заповеднике «Михайловское» кипит «культурная революция»

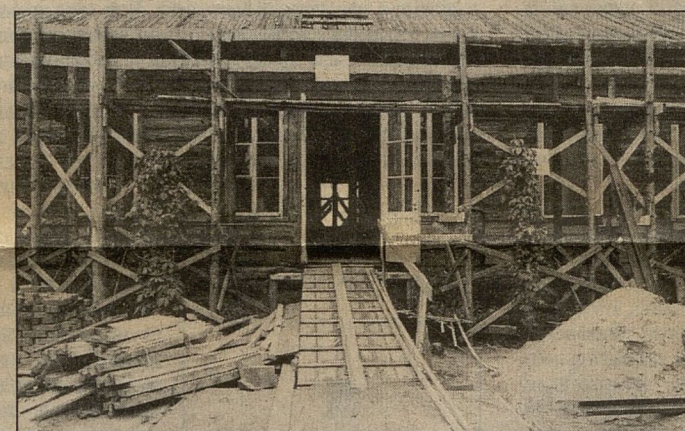
какой подход верней: каждый имеет право на существование.

Гений культпросвета

СВОЙ заповедник Гейченко отстроил по своему разумению. Поэтому уместнее было бы его называть: Пушкинский музей-заповедник им. С.С.Гейченко. Или музей С.С.Гейченко им. А.С.Пушкина.

Такой музей не претендует на звание научного учреждения, а гордится своим культпросветским назначением. На доступном даже для интеллектуально дееспособных паломников языке музей проповедует самые простые заповеди цивилизованного поведения: не сорить, не ступать, благоговей, трепетать. Для этого в парках расставлялись таблички с золочеными пушкинскими цитатами. Семен Степанович хотел вдохновлять и наставлять паломников (а туристы-профсоюзники, выйдя из автобуса, превращались вот именно что в паломников) на путь истинный. Про самого Гейченко даже рассказывают, что он сам разбрасывал бумажки на аллеях, а потом не гнушался их демонстративно поднимать.

Пушкинистам здесь делать было нечего. Так гейченкоское создание не к пушкинистам и обращалось. Высокая, элитарная культура — представленная профессиональными пушкинистами — строго и нетерпима: изыдкие, непосвященные. Культура народная, в изводе, хорошо представленном именами Гейченко в пушкиноведении, Андроникова в лермонтоведении, Кабалева в музыкальном просвещении, а Амосова — в просвещении медицинском, — напротив, шадящая к каждому. Неважно, что большинство паломников не отличают стихи Пушкина от стихов Лермонтова, важно, что они пройдут обряд посвящения в культуру — будто праздник Нептуна для пересекающих океан.

Реставрация Михайловского будет закончена 6 июня будущего года

Обряд, как известно, предполагает массовость. К образу Михайловского удивительно шли многолюдные сборища на поляне, праздники, неперенное пение Ивана Семеновича Козловского, вызвавшее умиление у толпы явление праправнука поэта — Григория Пушкина, автомобильные кортежи с мигалками и так далее. (К слову сказать, на эти праздники съезжался весь Псков: оборотистые горожане организовывали в Михайловском бойкую... продовольственную торговлю. Во времена острого дефицита «на Пушкина» хорошо расходилось колбаса, масло и сыр.) Ах, эти праздники! Былой размах, масштаб и монументальность Домовым. Его авторитет был непреложным, по этому по-

Веселое имя Гейченко. Подарочный плакат к 75-летию директора фотографа Е. Кассина и художника Г. Расторгуева

воду существует множество анекдотов: приехал как-то Пушкин в Михайловское: «Ну-ну, посмотрим, что вы здесь устроили». И вдруг: «А это что за безобразия? Я же это кресло купил в Петербурге в 36-м году. Как оно сюда попало?» А ему отвечают: «Это Семен Степанович велел поставить». «Ну, если Семен Степанович, — успокаивает Пушкин, — ему лучше знать».

Гейченко не был ученым, он был художником. Хотя и доморощенным. Он создавал общий образ и не обращал особенного внимания на детали.

Когда в 86-м затевался последний музей — дом мельника в Бугрово, Гейченко притащил в музей... современную гладильную доску. И водрузил ее на историческую печь. Этого даже привыкшие к многочисленным причудам Домового сотрудники стерпеть не смогли. «Что, — спрашивает Гейченко, — слишком белая?» Тогда «Семен» встал на нее ногами, поелозил-поелозил: «Ну что, теперь не очень белая? Вот и отлично».

Сила убеждения была настолько сильной, что ни один турист так и не поинтересовался, откуда в деревенской избе гладильная доска. И хотя все понимали, что Лукоморья не существует, желание веры пересиливало реальность.

Как никто это почувствовал Сергей Довлатов. Сегодня разве

что ленивый не цитирует его «Заповедник», только слыша про Михайловское. И я не удержусь. Между прочим, самое смешное в «Заповеднике» то, что собственно о заповеднике в книжке нет ни слова, — Довлатов в Михайловском не работал. (Довлатов работал внештатным экскурсоводом туристической базы, где в лучшие времена можно было заработать до 400 рублей в месяц.) Как-то раз Довлатов поспорил, что проведет целую экскурсию, читая Сергея Александровича Есенина вместо Александра Сергеевича. Вест о споре разлетелась молниеносно. Хотя туристов на базе обзывали «туриками-дуриками», не все верили, что такая затея сойдет с рук. Евгений Рейн вспоминает, что на вполне резонные сомнения в успехе такой шутки, Довлатов отвечал: «Конечно, кто-нибудь мог засомневаться и припомнить автора. Но это так, теоретически. А здесь, у дома нынче, на экскурсиях, я высший авторитет».

Так или иначе, и это неудивительно, к началу 90-х заповедник оказался в постгейченковском раздоре. На «большой земле» эту разруху принято называть постресторной. Привыкшие к железной руке хозяина сотрудники осиротели: по-старому жить было невозможно. Обустроить жизнь по-новому они были не в состоянии.

Политэкономная правда

В 94-М ПРИШЕЛ Георгий Василевич. Поначалу его появлению в заповеднике обрадовались. Ведь, правда, повезло — с чем могут согласиться многие другие музеи. Красивый, тридцатилетний, Василевич добился того, что недоступно музейному работнику. Потому как к музейщикам Василевич никакого отношения не имел, а был, словно в подтверждение наступления новых времен, политэкономом. (До назначения преподавал политэкономии в Минске, в Михайловское наезжал «добродетелью», женился на сотруднице музея, забросил Минкульт планами реорганизации, другими проектами, потому и был назначен.)

Василевич не только юридически оформил право «Михайловского» на заповедные земли, но и расширил их на 9000 гектаров. В 1995 году музею был присвоен статус особо ценного объекта культурного наследия народов РФ. Были созданы природно-ландшафтный отдел (при Гейченко в каждом парке работало всего по три человека) и служба внутренней охраны.

На первый взгляд, цель, которую декларировала новая дирекция, не сильно отличается от прежней. Музей, как и в прежние годы, призван вразумлять и наставлять посетителей.

Но если прежний музей был замкнутым пространством и все усилия его директора были направлены только на устройство его внутренней жизни, то Васи-

туда богатых людей. Кстат, и гостевые дома собираются строить прямо на территории усадеб. Как у нас говорят, «лежаки должны быть поближе к пляжу», — возмущаются старые сорудники. «Гостям надо где-то жить, причем в нормальных человеческих условиях. А действующие бани будут просто демонстрироваться туристам», — отвечают сторонники директора (хотя не очень понятно, как это будет происходить).

Пушкину в таком раскладе отводится лишь роль повода.

Гулять или не гулять

КАЖЕТСЯ, никто не удивится, если Василевич пойдет в политику. По-моему, все к тому и идет: во всяком случае, на рабочем месте его уже сейчас заставляют трудиться. А с неудобным посетителем, как было со мной, он отказывается встречаться без объяснений.

Он может себе это позволить: новый заповедник опирается не на авторитет директора, а на привлеченных специалистов. Ольга Чужикова призналась: «Больше всего в гуманитарной среде меня удивляет страсть к рыданиям. Чем рыдать — не лучше ли решить проблему? Доброхот — это отлично, но есть вещи, которые должны делать только профессионалы».

Профессионалы уже наводнили заповедник. Им удалось отыскать неизвестные до сих пор документы, по которым и проходит реконструкция. Не всегда гладко: например, последняя дошедшая до нас литография Тригор-

хранившейся с пушкинской поры литографии, Арина Родионовна жила в... баньке. Реконструкция Михайловского еще только началась, но поэтический домик уже разобрали, а на его месте возвели документально зафиксированную баньку. Какой подход ближе к Пушкину? Вопрос риторический. Кто знает, может быть, поэту был бы милее прежний вариант заповедника. Помните, «тмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман»? Ведь баня роняет светлый образ старушки и обманывает ожидания. Одна из строителей Михайловского 40-х годов по имени баба Клава так прямо мне и сказала: «Такой красивый дом-музей получился, а уж домик! Там же, знаете, сам Пушкин был, с той няней время проводил. Стал бы он в баню-то ходить!»

Так что неприятие реконструкции — это еще и борьба за воспоминания тех сотен тысяч, которые увидели Михайловское, Тригорское, Петровское такими, какими их нарисовала размашистая кисть Семена Степановича.

Будучи авторитетом при жизни, Гейченко не стал авторитетом для потомков. Он никогда не пестовал учеников, не любил бумажной волокиты. И не оставил документального обоснования своего мифологического музея (в свое время на это сетовал академик Лихачев).

В принижении его заслуг (а Василевич однажды прямо и обмолвился: «Мы уничтожаем не дух Пушкина, а дух Гейченко») — нет ничего удивительного. Каждая эпоха рубит свой вишневый сад.

А каждое поколение имеет право на свой музей. Равно как на свою литературу, свой театр, кино и архитектуру. Даже на свою журналистику. На нашей памяти очеркистов сменили репортеры. Информационные программы стали пользоваться большим успехом, чем телевизионные спектакли. Словосочетания «необыкновенно проникновенно» исчезли из школьных сочинений.

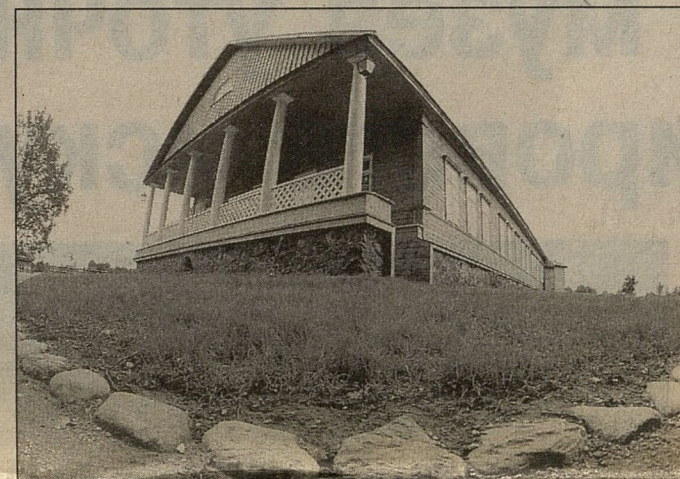
И если нынешнее время выбирает такой музей — если предпочитает видеть Пушкина строгим и фактографичным, считать его не только поэтом, но еще и помещиком, — в этом нет ничего странного.

Примирить две точки зрения нельзя и не имеет смысла: они были сформированы разными установками и существуют в параллельных мирах. Главный мажор новой команды: 99-й год близок и после него денег не дадут ни копейки. Все, что можно сделать, можно сделать только сейчас. Старая команда, напротив, надеется на год 2000-й. Когда кончатся все деньги, когда музею придется по-старому протягивать руку за подаемным, — вот тогда и начнется настоящая жизнь.

Однако кто знает: не придется ли лет через двадцать затевать новую реконструкцию? Восстанавливать золоченые таблички, специально засаживать парки, наконец, разгладить фотографии злополучного терема Арины Родионовны?

Мне, например, жаль, что сказочного Лукоморья больше не существует.

Юнна ЧУПРИНА
Фото Петра КАСИНА

Евроремонт уже завершён. Усадьба Тригорское.

лечу — вполне в духе времени — приходится задумываться о гораздо более масштабных задачах.

Из поэтического музея превращается в социальный. Как и раньше, он должен наставлять. Но не на мысли добрые, а на практические поступки. «Новым русским» будет полезно познакомиться с утраченным усадебным укладом, чтобы научиться жить по-помещичьи.

Кроме того, заповедник обязан как можно активнее использовать свою территорию. Руководство говорит: мы гарантируем поток туристов, а вы, местные жители, будете их обслуживать. Растить овощи и пасти скот. Отстраивать новые гостиницы и туристические базы. Прямой запрет на строительство на территории заповедника — отброшен.

Самые пылкие страсти разгорелись на санитарно-гигиеническом фронте: в Тригорском реконструировали действующую баню. «Они будут приглашать